

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

БОТАНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ XLIV

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1959

ЛЕНИНГРАД

К. К. Полуяхтов. Растительность Свердловской области. (Геоботаническое районирование, карта и описание растительности). Ч. 1. Описание растительных формаций лесов, лугов и болот области. Уч. зап. (Смоленск. гос. педагог. инст.), вып. 6, Смоленск, 1958, 320 стр., 44 рис. Тираж 1000 экз.

Степень изученности растительного покрова Свердловской области в настоящее время не соответствует степени его освоенности народным хозяйством. На территории этого высокоиндустриального экономического района, занимающего одно из ведущих

мест в экономике Советского Союза, до сих пор имеются участки, о растительности которых отсутствуют достоверные ботанико-географические материалы. Еще нет полной сводной работы о растительности области, и многие важные вопросы ботанической географии этой территории недостаточно разработаны.

Рецензируемая книга,¹ по замыслу К. К. Полуяхтова, является первой частью его большой монографии, посвященной растительному покрову Свердловской области. Автор сообщает, что она явилась итогом его многолетних геоботанических исследований. Как видно из текста, автором широко использованы материалы лесоустройства, землеустройства и мелиоративных обследований, архивные и рукописные источники.

Опубликование первой части сводки Полуяхтова, казалось бы, должно расцениваться как явление своевременное и положительное, а труд автора — как заслуживающий уважения и поощрения. Компетентный читатель заранее готов снисходительно отнестись к возможным упущениям и недостаткам книги, понимая, что их трудно избежать в работе, претендующей на завершение длительного этапа геоботанического изучения обширной и разнородной территории.

Однако первое же беглое ознакомление с опубликованной частью работы Полуяхтова вызывает недоумение, переходящее по мере чтения книги в досаду.

Прежде всего вызывает удивление необычная структура монографии. Казалось бы, она должна начинаться с обзора истории исследования растительности Свердловской области, характеристики степени ее современной изученности и с анализа сложившихся ботанико-географических представлений, которые автор намерен преобразовать, уточнить, дополнять или опровергать в своей работе. Такого обзора нет, а список литературы, приложенный к ней, не содержит многих относящихся к теме важных литературных источников, что, конечно, недопустимо для монографии. Чтение книги убеждает, что отсутствие хотя бы краткого обзора предыдущих исследований — не случайность, а результат переоценки Полуяхтовым собственной роли в изучении растительности области: он настойчиво стремится изобразить себя чуть ли не ее первоисследователем. Без всяких обиняков автор заявляет, что в его работе «в п е р в ы е² описывается растительный покров лугов и болот, а также лесные формации и сорно-полевая растительность» (стр. 5). Книга пестрит такими оборотами речи, как «наши многолетние исследования», «мы описали», «нами неоднократно отмечалось», «нами неоднократно описывалось», «по нашим далеко не точным (!) подсчетам» и т. д. В погоне за «приоритетом» автор дошел даже до утверждения, что ему принадлежит честь установления «совместного произрастания осины и пихты!» (стр. 156). «Настоящая работа, — подчеркивает Полуяхтов, — является первой попыткой составления общей классификации всех лугов области» (стр. 262). Однако из текста явствует, что принятая автором классификация лугов является лишь вариантом схемы А. П. Шенникова.

В книге отсутствует раздел о физико-географических условиях области (рельеф, климат, почвы), определяющих закономерности распределения растительности, хотя этим пунктом автор и начинает перечень вопросов, якобы освещенных в его монографии (стр. 7). Просмотр книги показывает, что в ней нет ни одной страницы, посвященной общей характеристике растительного покрова области, и нет ни одной фразы, из которой читатель мог бы получить представление о зонально-географическом положении территории Свердловской области и ее отношении к смежным ботанико-географическим подразделениям территории СССР. Отдельные замечания по этим вопросам, разбросанные по всему тексту, не дают цельной картины, тем более, что они во многих случаях противоречивы. Например, на стр. 185 автор заявляет, что в горах на высоте 600—800 м над ур. м. «климатические условия для роста луговой растительности заметно у х у д ш а ю т с я», а несколькими строками ниже указано, что на высоте 650—900 м над ур. м. (т. е. почти в тех же высотных пределах) климатические условия «в п о л н е п р и е м л е м ы для луговой растительности». На стр. 187 указано: «Уфимские луга с л а б о в ы р а ж е н ы . . . Поемные луга реки Чусовой е щ е с л а б е е в ы р а ж е н ы». А на стр. 263 утверждается противоположное: «х о р о ш о в ы р а ж е н ы луга в поймах следующих рек: . . . Уфы, . . . Чусовой и их притоков». На стр. 19 указано, что на восточном склоне Урала крупные массивы сосновых лесов встречаются «на всем его протяжении в пределах области (от 62° до 56° с. ш.)», а несколькими строками ниже говорится, что южнее Нижнего Тагила и до широты Свердловска «сосновых лесов мало». Схема на стр. 48 показывает, что основных лесов мало и севернее Нижнего Тагила, вплоть до верховьев р. Ляли.

¹ В основу рецензии положены выступления авторов на состоявшемся в октябре 1958 г. обсуждении книги К. К. Полуяхтова в Институте биологии Уральского филиала Академии наук СССР. В обсуждении, кроме сотрудников Института биологии, приняла участие представители высших учебных заведений г. Свердловска и Свердловского отделения ВБО.

² Здесь и в дальнейшем выделения в цитатах из работы К. К. Полуяхтова и замечания в скобках принадлежат авторам рецензии.

Автор крайне небрежно относится к терминологии и элементарным понятиям из смежных с геоботаникой научных дисциплин — почвоведения, климатологии, геоморфологии. Скалистые вершины некоторых горных хребтов он именуется увалами (Шунтский камень, стр. 107), все озерные отложения отождествляет с сапропелем, поясняя, что сапропель это «гниющий ил» (стр. 274). На территории области он выделяет «горно-хребтовую» и «пониженную хребтовую» части (стр. 10, 101 и др.), для которых приводит «хребтово-каменистые» (стр. 56) и «подзолисто-хрящевато-каменистые» (!) почвы (стр. 70). Из-за столь вольного обращения со специальной терминологией, примеры чего встречаются почти на каждой странице, даже лицу, знакомому с природой и растительностью области трудно составить себе ясное представление о связи описанных Полуяхтовым ассоциаций с элементами рельефа и почвами, об их положении в экологических и топографических профилях.

Программное заявление Полуяхтова о том, что растительность Свердловской области им рассматривается «как часть растительного покрова СССР» и что, решая проблему типологического расчленения растительности, он исходит «из принципиальных установок советской геоботанической школы», не находит фактического подкрепления в тексте работы. В книге не вскрываются связи растительности с географической средой, не показаны закономерности распределения растительности по территории области. В части объяснения взаимосвязей между растительностью и средой и в понимании процесса исторического развития растительности, рецензируемая работа отстала от современных требований.

Перейдем к оценке содержащихся в книге материалов по классификации лесов, лугов и болот. В кратком введении к описанию лесов, лугов и болот (стр. 8—9) автор пытается изложить (в вольной интерпретации) некоторые принципиально важные представления советской геоботанической школы по классификационной проблеме. Весьма пуганное и небрежное формулировки автора, его легкомысленное отношение к основным терминам геоботаники сразу же заставляют насторожиться читателя. В число «существенных признаков фитоценозов», по мнению автора, входят «эколого-биологические свойства эдифакторов» (sic!), а в формации объединяются группы ассоциаций, имеющие один и тот же *доминантный* (sic!) вид в главном ярусе». С первого взгляда кажется, что автором допущены описки, не выправленные в корректуре. По отношению к «доминантному» виду это, быть может и так, но термин «эдифактор фитоценоза» настойчиво повторяется на многих следующих страницах (15, 228, 229, 258, 285 и т. д.). Быть может, автором предложено какое-то новое понятие, оставленное без пояснения? Нет, текст на стр. 203 и 228 («основные доминирующие виды или эдифакторы», «выступают эдифакторами — создателями растительных ассоциаций») не оставляет сомнений, что речь может идти только об обычных эдификаторах, и просто автор не знает подлинного написания этого общепринятого термина. Искажение автором книги столь элементарного и общеизвестного термина ставит под сомнение его осведомленность в теории геоботаники. Последнее полностью подтверждается при дальнейшем чтении. Поясняя содержание не менее элементарного понятия «видовой состав» у однородных фитоценозов, объединяемых в ассоциации, Полуяхтов указывает, что оно означает «общность *преобладающих* в каждом ярусе видов, а также обязательное с х о д с т в о (?) общего количества (?) *характерных основных массовых* видов», и затем добавляет к этому перечню взаимоисключающих эпитетов еще «однотипность построения (ярусность и т. п.)» (стр. 8), т. е. добавляет уже признания строения, а не состава фитоценоза. На стр. 9 автор утверждает, что «основными единицами растительного покрова при решении ряда хозяйственных вопросов... являются группы ассоциаций и отдельные хорошо выраженные ассоциации, так как дифференцированный подход в этом отношении к отдельным ассоциациям не всегда доступен при современных условиях». Но тремя фразами ниже он заключает: «Поэтому главное внимание уделяется ф и т о ц е н о з а м...», тем самым отвергая все свои предыдущие рассуждения. Но и это не все. В следующей фразе он указывает, что «в связи с этим (?) и учитывая объем работы», он будет «останавливаться только на кратком описании групп ассоциаций и наиболее широко распространенных отдельных ассоциациях». Не задумываясь, автор называет классификационные подразделения одного ранга то ассоциациями, то группами ассоциаций, то фитоценозами, то типами леса (а когда описывает леса, то и вариантами типа леса), используя эти разные термины как синонимы. Описывая группу борозеленомошников (стр. 24—33), он внутри ее выделяет одноименную ассоциацию (она же тип леса) «бор-зеленомошник» (стр. 28—30), в составе которой, в свою очередь, различает «ряд вариантов или самостоятельных ассоциаций». Выделение ряда ассоциаций в ассоциациях, притом в одноименной группе ассоциаций, свидетельствует о крайне странном понимании автором иерархии таксономических единиц в геоботанике.

Весьма «оригинальны» представления Полуяхтова и о номенклатуре ассоциаций. Для большинства лесных и луговых ассоциаций приведена параллельно русская и латинская номенклатура (последняя построена по двум разным принципам), а для болотных ассоциаций и ассоциаций кедрового леса — почему-то только русская. Предложенные Полуяхтовым латинские названия ассоциаций и их групп свидетель-

ствуют о полной неосведомленности его в правилах фитоценологической номенклатуры. Элементы сложных названий ассоциаций и их групп часто не согласованы друг с другом в числе и падеже, а прилагательные не соответствуют роду существительных; почему-то часто они соединяются дефисом с существительными. Вот несколько примеров: «*Pinetum-graminosa herbosum*» (стр. 38), «*Lariceto pinetum-vaccinoso-herbosum*» (стр. 40), «*Saliceto-betuleto-piceetosum-caricoso-sphagnosum*» (стр. 67), «*Pinetolarix-betuletum herbosum*» (стр. 145), «*Pinetum sibiricum-hylocomiosum*» (стр. 95), «*Betuleto-tremuletum-calamagrostetosum*» (группа ассоциаций!) (стр. 158), «*Deschampsia eta parvigraminosa*» (стр. 247), «*Ulmuso-Tilieto-Piceetum-herbosum*» (стр. 76), «*Tilieto-alnueto piceetum magnoherbosum*» (стр. 75), «*Pineto-chamaedaphne*» (стр. 76) и т. п.

Русские названия ассоциаций также не лишены «оригинальности» и, как правило, громоздки и неудобочитаемы, например: «мятликowo-ползуеклеверные-пахучеромашково-птичьегречишниковые луга» (стр. 229), «сосново-пушицево осоково-андромедово-фускумсфагновая ассоциация» (стр. 276). В группе ельников сложных выделена ассоциация «широколиственно-ильмово-липово-пихтово-еловых травяных лесов» (стр. 76) и она же (или близкая к ней) описана в формации лесов с участием липы под названием «липово-ильмо(!)-пихтово-еловый и (?) вейниково-разнотравный лес» (стр. 170).

Обращает внимание разницей в подходе автора к классификации лесных формаций. Сосновые, еловые и кедровые леса разделены им на группы ассоциаций применительно к известной классификационной схеме В. Н. Сукачева и с преимущественным использованием номенклатуры этой схемы. Пихтовые и лиственничные леса также разделены на группы ассоциаций по сходному принципу, но названия ассоциаций по построению не отличаются от названий их групп (например, а с с о ц и а ц и я «липово-елово-пихтовые зеленомошно-травяные л е с а»). Березовые же и осиновые леса, а также леса с участием липы делаются на группы по их географическому распространению, причем у первой формации используется их зональное положение («березовые леса подзоны сосново-лиственных лесов и лесостепи»), у второй — оно же и характер происхождения («осиновые лесостепные колки» и «березово-осиновые вейниково-разнотравные леса (временные)», а у третьей — геоморфологические области («Предуралье», «горная полоса Урала», «Зауралье»).

С характерной для всей книги произвольностью изложения, автор относит насаждения, близкие по составу древостой и нижних ярусов, в разные формации, называя выделенные ассоциации разными именами. Из описаний невозможно усмотреть разницу между «кедрово-елово-пихтовыми травяно-зеленомошными лесами» (стр. 112) и «пихтово-елово-кедровыми зеленомошными горными лесами» (стр. 96) или понять, почему отнесены к разным формациям «широколиственные ильмово-липово-пихтово-еловые травянистые леса» (стр. 76—78) и «ильмово-липово-елово-пихтовые травяные леса» (стр. 106—107), описанные к тому же из одного и того же пункта (у д. Коптелы, Шалинского района). Автор указывает, что «сосново-лиственничные злаково-разнотравные леса» (стр. 120—122) «б л и з к и п о с т р у к т у р е и в и д о в о в о м у с о с т а в у» к ранее описанным «березово-сосново-лиственничным вейниково-бруснично-разнотравным лесам» (стр. 119—120), «н о в с т р е ч а ю т с я р е ж е и з а н и м а ю т м е н ь ш и е п л о щ а д и». Редкая встречаемость — вот и все различие! Из сравнения описаний не явствует каких-либо других, действительно разграничительных признаков между ними. Надо заметить, что характеристика большинства выделяемых Полуяхтовым ассоциаций дается не на основе анализа и обобщения данных нескольких конкретных описаний отдельных их участков, а в виде «примеров», которые автор иногда квалифицирует как «типичные», а чаще приводит их без всяких оговорок. Становится ясным, что для многих ассоциаций он имел в своем распоряжении всего лишь по одному описанию и на таком скудном материале основывал свое суждение о них (стр. 64, 70, 72, 103, 104, 106, 107 и т. д.). К тому же большинство таких описаний не полны, содержат упрощенную, терминологически неверную, иногда совершенно непонятную характеристику местоположения («рельеф — понижение—окраина болот» на стр. 65) или почвы («...подстилаемые... горными породами нижеледующего строения. . .», — и далее приводится описание не горных пород, а почвы, стр. 60). Списки растений в описаниях содержат преимущественно вульгарные виды, с широким распространением и большой экологической амплитудой. Оценки обилия видов в отдельных случаях приведены, в других не даются совсем. Значок «сор.» местами дифференцирован на сор.₁, сор.₂ и сор.₃, чаще же он употребляется без этого подразделения, причем такой разницей встречается даже в одной и той же сводной таблице.

Ознакомление с рецензируемой книгой показывает, что она не отвечает задачам, стоящим перед региональными ботанико-географическими монографиями. В работе, в сущности, нет сколько-нибудь оригинальных мыслей или теоретических положений. Преобладает описательный материал, собранный в разное время, разными лицами, по разной методике; этот материал без достаточного знания дела и крайне небрежно сведен воедино. От обсуждения важных теоретических вопросов автор в большинстве случаев уклоняется. Там, где те или иные теоретические вопросы все же затрагиваются, Полуяхтов обычно приводит мнения нескольких исследователей и

присоединяется к какому-либо из них. Даже «выводы», набранные в работе в разрядку или жирным шрифтом (например, на стр. 187 и 264), не выходят за рамки общеизвестных и общепринятых положений, заимствованных из литературных источников.

Характерно, что даже в тех случаях, когда приводятся данные, явно заимствованные у других авторов или взятые из ведомственных материалов, они обычно не сопровождаются ссылкой на источник. Так, например, автор умалчивает, что схемы профилей торфяных залежей (рис. 43 на стр. 277) заимствованы из опубликованных работ (Д. А. Герасимов, В. С. Доктуровский и С. Н. Тюремнов). Все табличные данные о распределении площади лесов по древесным породам и возрасту, данные о запахах древесины, о площадях лугов и болот по области и по отдельным ее районам не сопровождаются указаниями, откуда они получены и к какому году учета относятся. Часть же таблиц, характеризующих таксационные элементы древостоев лесных ассоциаций (таблицы 5—7 и 10—11), не имеет даже указаний на районы (лесхозы). Поэтому все цифровые данные, относящиеся к характеристике сырьевых запасов растительности области, не вызывают доверия. Большая часть их явно устарела. Из-за отсутствия указаний на методику составления и источники, не могут быть критически оценены и полноценно использованы картограммы распространения по территории области главных древесных пород и образуемых ими лесов. Автор во всех случаях указывает, что картограммы «составил К. К. Полуяхтов», но часто не заботится о достаточной расшифровке условных знаков (рис. 6, 14, 18, 21, 31), а на картограмме распространения лиственных и лесов с ее господством совсем не дает объяснения двум условным обозначениям.

Поразительно велико в книге количество ошибок и опечаток, причем в отношении большей их части возможная ссылка на недосмотр корректора едва ли уместна. Вместо *Antennaria* в тексте мы находим *Anthennaria*, вместо *Galium* — *Gallium*, соответственно *Gentiana pneumonanthe* — *G. pneumonthe*, *Athyrium* — *Athirium*, *Equisetum silvaticum* — *Equisetum silvatica*, *Sphagnum warnstorffii* — *S. warnstorffii* и т. п. В одной и той же таблице на стр. 61 рядом приведено два «вида»: *Asarum europaeum* и *Osarum europaeum*, причем один из них отнесен к первому подъярису, а другой к третьему. После всего этого беспорядочная расстановка заятых при перечислении латинских названий растений кажется несущественной мелочью.

Характеризуя ассоциации, автор в одних случаях приводит латинские названия растений, в других пользуется русскими, причем зачастую ограничивается наименованием только рода: «башмачки», «лапчатка» (стр. 27), «ива», «шиповник» (стр. 29), «василистник», «ятрышник», «плаун», «папоротник мелкий», «звездчатка», «вейник», «огонек» (!), «сочевичник» и даже просто «папоротник» (?) (стр. 110).

Сводя воедино различные литературные и рукописные данные, автор был обязан унифицировать названия растений. Однако этого не сделано, а в тексте один и тот же вид нередко фигурирует под разными наименованиями. Приведем в качестве примера несколько пар таких синонимов, употребляемых в разных частях текста в качестве равноценных названий: *Gymnocarpium dryopteris* и *Dryopteris linnaeana*, *Cassandra calyculata* и *Chamaedaphne calyculata*, *Lychnis flos-cuculi* и *Coronaria flos-cuculi*, *Phleum boeмери* и *Phleum phleoides*, *Cytisus ratisbonensis* и *Cytisus ruthenicus*, *Cotoneaster nigra* и *Cotoneaster melanocarpa*, *Oxyococcus palustris* и *Oxyococcus quadripetalus*. Еще больший разнородной наблюдается в номенклатуре мхов. На правах равноценных названий приводятся такие синонимы, как *Hylocomium triquetrum* и *Rhytidiadelphus triquetrus*, *Hypnum schreberi* и *Pleurozium schreberi*, *Hypnum crista-castrensis* и *Ptilium crista-castrensis*, *Sphagnum angustifolium* и *S. parvifolium* и т. п. Больше того, при чтении работы становится ясным, что автор некоторые синонимы принимает за названия р а з н ы х в и д о в растений. Это легко обнаруживается в сводных списках наиболее обычных видов для отдельных растительных формаций. Один и тот же вид автор именует то *Orobus vernus*, то *Lathyrus vernus* и включает о б а названия в сводные таблицы флоры сосняков (стр. 52), ельников (стр. 81) и липовых лесов (стр. 176). Если верить автору, в некоторых ассоциациях ельников встречается *Orobus vernus*, в других *Lathyrus vernus*; есть и такие ассоциации, где оба вида (фактически — синонимы) уживаются вместе! В сводной таблице флоры сосняков (стр. 53) в качестве р а з н ы х в и д о в приводятся *Hylocomium triquetrum* и *Rhytidiadelphus triquetrus*. Еще больше «повезло» синонимам *Hylocomium proliferum* и *H. splendens*, которые в качестве названий р а з н ы х в и д о в приведены в сводных таблицах флоры сосновых (стр. 53), еловых (стр. 83), кедровых (стр. 100—101), пихтовых (стр. 117) и осиновых (стр. 165) лесов. Такие грубые лякусы невозможно объяснить только небрежностью; они выдают недостаточную осведомленность автора в элементарных вопросах ботаники.

В основу классификации лугов Полуяхтовым положена известная схема А. П. Шенникова, о чем им не раз упоминается в тексте (стр. 191, 247, 255, 263) и дважды в примечаниях (стр. 203 и 258). Следуя Шенникову, автор называет лугами ассоциации травянистых многолетних м е з о ф и т о в. Однако это не мешает ему включать в формацию торфянистых лугов «пушицевые луга» с господством *Eriophorum latifolium* и гипновых мхов (стр. 254), а также «топохвощевые (!?) луга» — заросли *Equisetum limosum*, встречающиеся по берегам озер и прудов (стр. 216).

В конечном итоге, поскольку в работе нет прочной теоретической основы, все классификационные построения Полуяхтова не вызывают доверия, а характеристики большинства выделенных им ассоциаций настолько расплывчаты и неопределенны, что во многих случаях их невозможно использовать даже как сырой фактический материал. К тому же обилие различного рода ошибок ставит вообще под сомнение достоверность приводимых данных.

Нетрудно заметить, что Полуяхтов недостаточно ясно представляет себе экологию, биологию и ярусное положение в фитоценозах самых распространенных, вульгарных видов растений. В состав разнотравья им включен злак *Calamagrostis lanceolata* (стр. 298); кустарнички подбел и голубика отнесены к *подлеску* (стр. 33 и 89); в травостоях «субальпийских» лугов, по мнению автора, «кроме луговых форм, участвуют высокогорные травянистые виды, вышедшие из альпийской области» (стр. 186). В перечне мезотрофных болот приведены формации: «кадиново(?)-березово-сфагновая» и «кадиново(?)-варшисторфосфагновая» (стр. 278). Описывая бор осоково-сфагновый (стр. 47), автор указывает, что в моховом покрове здесь преобладают *Sphagnum magellanicum* и *S. angustifolium* и в меньшем количестве *Thuidium abietinum* (?), а в травостое указана столь же невероятная комбинация из *Carex aquatilis*, *Rubus chamaemorus* и «кустарника» (!?) *Andromeda polifolia*! Невозможность сочетания в одной ассоциации диаметрально противоположных условий среды (проточное увлажнение и сильная заболоченность), как и невероятность совместного произрастания столь резко различных по экологии видов, нисколько, как видно, не смущают автора.

Неряшливость слога, беспомощность автора в выражении самых простых мыслей и отсутствие элементарной логики делают чтение книги трудным и неприятным занятием. «Стиль» автора можно охарактеризовать несколькими наудачу выбранными примерами. Так, говоря о происхождении ассоциации липово-пихтово-еловых разнотравных лесов (из группы сложных ельников), автор пишет: «Эти леса образовались из широколиственно-еловых лесов при выпадении и из древостоя ильма, клена и некоторых травянистых растений — спутников *широколиственных* лесов, под влиянием ухудшения условий для роста *звойных* пород» (стр. 79). Почему ухудшение условий для роста хвойных вызвало выпадение из древостоя широколиственных пород, и как травянистые растения могли попасть в древостой, автор не считает нужным разъяснить. Столь же невразумительна фраза на стр. 73, также относящаяся к сложным ельникам: «О с в о е н и е подлесных земель под сельскохозяйственные угодья в ряде мест с в е л и (?) еловые леса с широколиственными породами» (стр. 73). Примером логических построений автора может служить такое типичное для него умозаключение: «В травяном покрове обильно разрастаются лесные травянистые растения. Все это (?) позволило выделить горные леса» (стр. 30). На стр. 188 автор, не смущаясь, утверждает, что «основной причиной предпочтения скотом той или иной травы является наличие в ней витамина „А“. Содержание же протеина, по их воздействию, имеет меньшее влияние на вкусовые качества растений». Из контекста следует, что «их воззрения» могут быть отнесены только... к скоту! Режут глаз такие неуклюжие обороты, как: «весьма огромные площади» (стр. 19), «горнокаменные растения» (стр. 24), «горносклонистые болота» (стр. 271), «плошны е п я т н а зеленых мхов» (стр. 109), «возраст, близкий к умиранию деревьев» (стр. 85), «юго-восточную границу... следует считать по следующей линии» (стр. 118), «поглощенцы» (стр. 73), «подлесные земли» (стр. 73), «по мере продвижения на север... количество водораздельных лугов заметно падает» (стр. 186) и т. п.

Трудно отнести только к вине корректора огромное количество мелких, но существенных ошибок, щедро рассыпанных по всему тексту; многие из них грубо искажают смысл фраз. Приведем лишь некоторые из них: «бонитический анализ» торфяных напластований (стр. 274) вместо ботанического анализа, «Шигиринское болото» (стр. 270) вместо Шигирское, «ст. Монетняев» (стр. 277) вместо Монетная, «вегетативный период» (стр. 118) вместо вегетационный период, «овражно-болотистая система» (стр. 308) вместо овражно-балочной системы.

Можно смело сказать, что едва ли вообще найдется какая-либо другая книга геоботанического содержания, которая могла бы сравниться с рецензируемой работой по обилию ошибок, неточностей и по небрежности оформления.

П. Л. Горчаковский и Б. П. Колесников.